

Глава 3. Киев бомбили, нам объявили, что началась война

Мирное время кончилось. Однако в моей жизни, жизни ребенка, мало что изменилось. Участились только походы в кино, куда я мог бегать уже и без сопровождения взрослых. Теперь в клубе кино «крутили» чуть ли не ежедневно. Один за другим показывали фильмы, на которых все мы воспитывались в прежнее время. Фильмы, прославлявшие мощь Красной армии и твердившие, что граница у нас всегда на замке. В который раз с экрана гремела бравурная песня: «Если завтра война... мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом!» Потому что «в целом мире нигде нету силы такой, чтобы нашу страну сокрушила...»⁷³ Шапкозакидательские настроения поддерживались по инерции: война разворачивалась где-то далеко от нас, и мы почувствовать ее еще не успели.

Спустя какую-то неделю обстановка круто изменилась. Страшная беда докатилась и до нашего порога. Немцы начали бомбить станцию. Налеты совершались обычно днем, так что мы наблюдали их во всех подробностях – прямо со своего двора или с улицы. Вражеские самолеты появлялись над станцией группами, иногда в несколько десятков машин, и на большой высоте. Некоторое время кружили там, словно стая коршунов, высматривающих жертву на земле. Затем, выстроившись в «карусель», поочередно сваливались почти в отвесное пикирование. Сбросив бомбы, они с натужным ревом у самой, как нам казалось, земли выходили из пике и безнаказанно удалялись.

Никакой организованной противовоздушной обороны, никаких зениток на станции в те дни не было. Не видели мы и славных красных соколов – наших истребителей, которые могли бы оказать хоть какое-то сопротивление немецким «Юнкерсам»⁷⁴. Говорю это как очевидец, – опираясь на свои собственные воспоминания, а также на рассказы других свидетелей того времени – моих родственников и земляков.

Сейчас я могу говорить лишь о единственной потере немцев в небе родной местности в начале войны. Младший лейтенант 88-го истребительного полка Иван Иванович Новиков, преследуя 23 июля 1941 года на своем И-16 немецкий бомбардировщик Ю-88, «протаранил его в р-не Смела и на своем поврежденном с-те благополучно произвел посадку»⁷⁵ где-то возле той же Смелы. О подвиге И.И. Новикова упоминает целый ряд интернет-источников и печатных изданий⁷⁶ последнего времени.

Бомбили немцы станцию ожесточенно. Полыхали пожарами железнодорожные парки, гремели взрывами вагоны с боеприпасами, рушились станционные и заводские сооружения...

«На станции Шевченко, – сообщает путеводитель по музею Одесской железной дороге⁷⁷, – за одну неделю – с 3 по 11 июля – фашисты совершили 18 массированных налетов,

⁷³ Из фильма «Если завтра война...»

⁷⁴ Одномоторные Юнкеры Ю-87 в начале войны были у немцев основными пикирующими бомбардировщиками.

⁷⁵ Память народа. Итоги боевой работы 88 иап, стр.11. <https://pamyat-naroda.ru/warunit/id7008/>

⁷⁶ Назову некоторые из них:

1. Militera.lib.ru/h/hazanov_db3/08.html – Хазанов Д.Б. Битва за небо. 1941. – От Днестра до Финского залива. – М. – Яуза, Эксмо, 2007. – Приложение 5.
2. Карданов Кубати Локманович. Полет к Победе. Записки военного летчика. — Нальчик: Эльбрус, 1985.
3. Tinlib.ru/transport_i_aviacija/aviacija_i_vremja_2003_05/p8.php. - На таран! - Авиация и время. - 2003, № 5.
4. Airforce.ru/staff/who_is_who/n/n.htm. – Кто есть кто: Н – ВВС России.
5. Blagin-anton.livejournal.com/225626.html. – Кто совершал воздушные тараны в годы 2-й мировой войны?
6. Dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/92730/. – Новиков Иван Иванович.
7. Interpretive.ru/dictionary/1019303/word/novikov-ivan-ivanovich. – Новиков Иван Иванович.

⁷⁷ Первая на Украине. Путеводитель по музею Одесской железной дороге. – Одесса: Маяк, 1989. – 112 с. (Далее в ссылках этот источник буду именовать Путеводителем...)

уничтожили 580 вагонов, разбиты все парки, связь. Более 1200 человек убито и ранено» (Путеводитель, стр. 67).

Подобные сообщения, являющиеся коллективным «творчеством» советских идеологических работников и нередко носящие черты надуманности, приходится подвергать проверке. Первый вопрос: откуда составители названного Путеводителя взяли объявленные ими сведения? К сожалению, первоисточника авторы не называют. Не нашел его и я, занимавшийся изучением истории своей малой Родины значительную часть жизни. Главное же состоит в том, что, по крайней мере, в одном месте данные не проходят проверку на здравый смысл. Я имею в виду количество убитых и раненых.

Рассуждаем. В Малой Яблоновке, Гречковке и других пристанционных поселках практически в каждой семье, в каждом дворе кто-нибудь да работал на станции. Получается, что во многих семьях должны были быть пострадавшие от тех бомбежек. Должны были быть пострадавшие и в нашем семействе. Ведь из наших на станции работали: отец, мой дядя Павел и его жена, двоюродный дедушка Иосиф Ревенко, родичи из Гречковки... Однако об убитых и раненых среди своих, среди соседей и односельчан я – современник и свидетель, хоть и малолетний, тех событий – не слышал! Не слышал ни в те первые дни войны, ни в школьные годы, ни много позже... Не встречал я надежных документов о жертвах немецких авианалетов в местных архивах, музеях, краеведческой литературе... Нет их следов в Книге Памяти⁷⁸, нет среди захоронений на кладбищах...

При таких обстоятельствах приходится, прежде всего, полагаться на свои знания и собственное понимание вещей.

Каков же вывод?

Понятное дело, бомбовые удары вражеской авиации приносили губительные последствия, были масштабные разрушения, были, конечно, и чувствительные человеческие потери. Вместе с тем указанное в музейном Путеводителе число убитых и раненых от бомбежек станции – «более 1200 человек» «за одну неделю» – я считаю не соответствующим действительности и не в меру завышенным. Я смело уменьшил бы его на порядок...

Чтобы лучше прочувствовать атмосферу трагических июльских дней на станции, приведу еще несколько цитат из доступных источников.

«На станции Шевченко 22 июля во время ожесточенной вражеской бомбежки диспетчер паровозного отделения Пивоваров, несмотря на пожар в его квартире, под осколками рвущихся снарядов в вагонах растаскивал составы и вывел на перегон пять паровозов» (Путеводитель, стр. 68).

Примерно в это же время:

«...На станции Шевченко отходящая группа начсостава и красноармейцев⁷⁹ оказалась под налетом авиации противника. Сброшенными бомбами враг разрушил часть путей, разбил и зажег несколько составов, стоявших на путях этой станции. Среди подожженных составов были вагоны с боеприпасами и санитарные вагоны. Нависала угроза взрыва и гибели людей и имущества. Нужно было расцеплять и выводить составы со станции, но ни одной паровозной бригады на стоявших паровозах не оказалось.

Тогда инструктор политотдела младший политрук Соколов, знающий паровозное дело, лично работая на одном из паровозов за машиниста, вывел со станции под непрерывающейся бомбежкой 7 различных составов. За это младший политрук Соколов был представлен к правительственной награде»⁸⁰.

Остатки эшелонов и паровозы, вытасченные отчаянными машинистами из огненного хаоса на станции, появлялись, помню, несколько раз у самого нашего огорода...

⁷⁸ Книга Пам'яті України. Черкаська область. 6 том. – Київ, 1996.

⁷⁹ Здесь имеется в виду группа начсостава и красноармейцев 13 отдельной железнодорожной бригады железнодорожных войск – сокращенно 13 ождбр.

⁸⁰ ЦГА, фонд 13 ождбр, оп. 40019, д. 4 «Описание боевого пути бригады», лл. 1–13.

Исключительно тяжело приходилось железнодорожным ремонтникам.

Извлечение из статьи «Коллектив отважных» газеты «Гудок» за № 6314:

«... Части и подразделения восстановителей, отважно работая под огнем неприятеля, быстро восстанавливают пути, связь.

Две недели подряд нападали фашистские летчики на важный узел Ш (Шевченко), ни разу перерыв в движении не превышал двух часов...» (Путеводитель, стр. 69).

Эта высокая оценка относилась к головному восстановительному поезду № 16, сформированному из одесских железнодорожников.

Однажды, при очередном авиационном налете, над станцией разнесся страшный вой. Даже мы, в Малой Яблоновке, куда бомбы не залетали, пришли в замешательство. Что это? Новое оружие, невиданные бомбы? Что делать, куда бежать, где прятаться?

Представляю, что творилось на станции. Душераздирающий вой. Народ, особенно молодой, незрелый, в страхе, с криками бросается врассыпную. Все ждут взрывов – а их всё нет. Воцаряется зловещая тишина. Ощущение жуткое, муторное. И тут начинается жестокая бомбежка...

С загадочной атакой разобрались быстро. Чтобы усилить панику, немцы вместе с авиационными бомбами сбрасывали в тот раз... куски железнодорожных рельсов! Именно они издавали при падении неслыханный прежде, наводящий ужас, звук⁸¹...

Психическую атаку немцы повторили и на следующий день. Однако в этот раз ожидаемого эффекта она не принесла: на станции уже знали, что бояться надо не экзотического «оружия», а обыкновенных бомб.

Но у нас на Первомайской думали иначе. Умные головы и заводилы рассуждали: в будущем от немцев еще следует ожидать любого коварства. А потому нужно строить основательные убежища!

Спускаюсь как-то нашим переулком к реке. Справа от него, на берегу, у кучи свежерытой глины толпится группа зевак – взрослых и ребят. Присоединяюсь к ним. Глазею, как один из новоявленных активистов роет в обрывистом береговом склоне что-то вроде берлоги...

Польщенный вниманием любопытствующей публики, местный «фортификатор» показывает из норы и, отложив в сторону ведро и лопату, делает перекур. Рассказывает, что задумал. Убежище будет просторное, на всю семью, выдержит любую бомбежку и обстрелы... Хвастается: пересидим здесь спокойно даже немцев, если придут. (Какая же наивность, скажем мы сейчас!) Почему решил рыть здесь, а не в своем дворе? Да место, говорит, удобное, неприметное... Речка, вода, камыши – в двух шагах... Картофель, прочий разный овощ тоже рукой подать – огород прямо над головой... Так что в моем бункере можно продержаться с месяц-другой даже в осаде...

Наглядный пример первопроходца оказался заразительным. К вечеру убежище стал рыть еще один наш сосед – уже на противоположной стороне переулка, у верхней части

⁸¹ По свидетельству мемуарных источников, увидевших свет в последние десятилетия, немцы, для устрашения при бомбежках, сбрасывали не только рельсы. Пускали они в ход также продырявленные железные бочки, колеса, всякий бесформенный железный мусор, применяли ревущие сирены... Правда ли это всё или плоды домыслов авторов мемуаров, описывавших события спустя много лет после войны? Этот вопрос в наше новое время живо обсуждается на полях интернета молодыми любителями военной истории.

Что касается меня, то я предпочитаю больше доверять не чужим мнениям и мемуарам, а своей памяти. Не знаю, как там с бочками, колесами и прочими подобными «бомбами», но вот то, что в июле 1941 года немцы у нас на станции применяли именно рельсы, я не сомневаюсь! Выдумать их в детстве я не мог, как не могли выдумать и те близкие, рассказы которых засели тогда у меня в голове. Это и не фантазия, навеянная прочитанным мною позже. Хотя бы потому, что услышал я о необычных «авиабомбах» задолго до появления рассказов о войне, в которых такие снаряды упоминаются, и задолго до появления интернета, где о них ведутся разговоры.

выемки, где когда-то добывали глину – как раз напротив нашего любимого речного Камня⁸² ...

Первый «объект», если мне не изменяет память, закончен не был, а вот второе сооружение, над Камнем, было подготовлено вполне. Правда, дальнейшие события развивались так быстротечно, что по прямому своему назначению никто этими укрытиями воспользоваться не успел. Вернее сказать, они оказались тогда никому не нужными... Зато после войны применение им нашлось.

Мы, речная ребятня, «эксплуатировали» главным образом второе обиталище.

Это была довольно просторная, аккуратно выдолбленная в твердой глине, конура, с ровным плоским полом и полуцилиндрическим сводом. Прямо стоящий рослый человек в ней не помещался, но компания ребятшек рассаживалась свободно.

Летом в укрытии всегда сохранялась приятная прохлада – как в погребке. Мы, проводившие почти целый день около речки, спасались в нём от палящего солнца, укрывались от набежавшего вдруг ливня, в нудную погоду собирались тут, чтобы поболтать, поиграть в карты, «в ножика»... Несмышленная мелюзга и «плохие мальчишки», когда приспичит, бежали туда и по большой нужде⁸³ ...

Постепенно наши «подземелья» захламлялись, осыпались, и в конце концов вовсе обрушились. Первое из них просуществовало сравнительно недолго, а вот второе продержалось вплоть до середины 60-х годов...

Вернемся, однако, в июль 41-го.

Надежда на то, что наступление немцев можно остановить, быстро таяла. Станция работала с большим напряжением. Железнодорожники, рабочие завода сутками пропадали на службе. Жены или кто-то другой из семьи доставляли им пищу прямо на рабочие места. С моим отцом такое, кажется, не случалось, а вот двоюродному моему дедушке И.М. Ревенко его супруга, знаю, еду на работу таскала⁸⁴.

Началась эвакуация паровозовагоноремонтного завода.

Один за другим уходили на восток, в глубокий тыл, составы с промышленным оборудованием и разным имуществом. Вместе с ними уезжали семьями заводчане.

Прямого принуждения отправляться в эвакуацию, как мне сейчас кажется, тогда не было. В условиях нарастающего смятения и организационного расстройтва применять какие-либо насильственные меры к самовольникам уже было некому и некогда. Так что все поступали по складывающимся обстоятельствам и зову совести. Уезжали главным образом руководители производств, партийное начальство, инженеры, квалифицированные рабочие... Те же, кто склонен был остаться, терзались душевными муками. А что если не проявишь сознательность, если не поедешь, как другие? Не навредишь ли себе и своим близким?

Не обошлось без переживаний и в нашей семье. Отец, видя, что кое-кто из знакомых по работе готовится к отъезду, ломал голову в поисках решения. Принимать его надо было срочно. Каков у него выбор? Куда тащиться с семьей, с детьми, стариками-родителями? В полную неизвестность?..

Что ждало впереди таких, как мы, толком уже никто не мог сказать...

Капелюхи, наши родственники из Великой Яблоновки, – моя бабушка Тина, ее сын Павел (мой родной дядя) и невестка Василиса – колебались недолго. Павел Капелюха, видимо, был на заводе из тех, кто не мог отказаться сопровождать заводское оборудование; за ним, естественно, должна была следовать и жена. Ехала с ними и вдовствующая уже более года Тина. Не оставлять же ее, незащищенную, в пожилых годах женщину, один на один с

⁸² См. иллюстрацию 4.

⁸³ Пространство вокруг Камня, нашего места летних игр, было довольно открытым, потому гадить на глазах свидетелей было неприлично. Те, кому становилось невтерпёж, старались совершать свои грязные дела по возможности скрытно. Если такое «преступление» раскрывалось, старшие ребята провинившихся примерно наказывали...

⁸⁴ С.Е. Гайван. С именем Кобзаря. – Днепропетровск: Редотдел облполиграфиздата, 1991. – С. 22.

надвигающимся лихом... К нам в Малую Яблоновку, к дочери и зятю, она перебираться не пожелала и предпочла прислониться к сыну...

Когда вдруг стало известно, что они уезжают, мы едва успели добежать до Веселого Кута, чтобы с ними проститься... Тот момент помню смутно... Всё происходило в великой спешке и суматохе...

Присматривать за освободившейся хатой бабушки было поручено какой-то местной женщине, которую пустили жить туда хозяйкой... Но, что там творилось во время оккупации, кто там проживал, я не знаю. У нас в семье тогда этим почти не интересовались: было не до того... В условиях лихолетья каждый в первую очередь озабочен собственным существованием... Понятное дело: своя рубашка ближе к телу...

Из тех, кто выезжал в тыл с заводскими эшелонами, могу назвать немногих. В нашей части улицы, к примеру, в эвакуации побывали только наши близкие соседи: Вера и Федор Атамановские да семья Вакуленко (того самого, благодаря которому я побывал на новогоднем празднике на станции). Большая же часть населения оставалась на месте... Вот и отец рассудил так же: будь что будет, но бросать хату, нажитое тяжкими трудами хозяйство и пускаться куда глаза глядят мы не будем...

Разразившаяся стихия эвакуации между тем продолжалась. Вместе с нею росли растерянность и беспорядок. Вывозились оставшиеся исправными паровозы, вагоны; выезжали районные учреждения; перегонялись в колхозные стада. Дороги наполнились обозами беженцев... Для всех и для каждого из них в отдельности эти события сложились в целую эпопею...

Вот лишь маленькая толика их историй.

Чтобы нагляднее представить себе, что творилось в то время в самой Смеле и в ее сельских окрестностях, обратимся к событиям, скажем, в Макеевке, старательно описанным местным исследователем⁸⁵.

История № 1.

Итак, Макеевка... Отправлена первая партия новобранцев – старших по возрасту. За ними в Смелу, с тракторами и автомашинами, отбывает часть колхозных трактористов и шоферов. Для фронта снаряжены 12 повозок, подготовлено 30 лошадей под седла и колхозное стадо крупного рогатого скота... Всё это двинулось в сторону Смелы. Дальше – тяжелая дорога к Днепру. Сплошные многокилометровые колонны беженцев, стада других колхозов. Жарище... Ревут не доенные, с распухшими выменами, коровы. Погонщики раз за разом останавливаются, чтобы передохнуть и кое-как подоить мучающихся пеструх... В небе всё чаще появляются немецкие самолеты. От пулеметных очередей и воя атакующих воздушных хищников стада разбегаются, и требуется немало времени, чтобы снова их собрать. Вот он, наконец, Черкасский мост... Перебрались на левый берег и под расписку сдали стадо...

Тем временем в селе подготовлена к призыву молодежь – парни 1923–25 годов рождения. Подводами, под командой «старшого», сельского активиста Евдокима Скибы их везут в Ротмистровку (тогда она была районным центром). Но что с ними делать, там не знают: все учреждения уже эвакуированы. «Їдьте до Смїли, там вам скажуть»... Но и в Смеле призывники никому не нужны. Районные учреждения тут тоже не работают, служащие в панике побежали за Днепр. Потянулись туда и макеевчане.

За Смелой – команда: «Злізай з возів!» Предводитель Скиба, хлестнув плетью коня, поворачивает назад. За ним развернулись и другие пустые подводы... «Куди ж нам іти?» – спрашивают вдогонку озадаченные ребята. «Їдїть за людьми»...

Подошли к Днепру. Те, кто посмекалистее, почесав затылки, замялись. Стоит ли переходить на левобережье? И – поплелись обратно. Остальные, переправившись, взяли курс на Донбасс. Там их остановили. Хлопцев постарше мобилизовали на работы в шахтах, а

⁸⁵ Валентин Хижняк. Чотири вóрони. – Черкаси: Брама-Україна, 2004. – С. 125–126.

шестнадцатилетних юнцов направили на уборку урожая. При приближении немцев о них все забыли. Оставшись без чьего-либо присмотра и поддержки, несостоявшиеся солдаты решили на свой страх и риск возвращаться «до дому, до хати». Оккупанты их не задерживали. Все они, спустя какое-то время, вернулись в свою Макеевку...

Еще одна похожая история.

История № 2.

Из рассказа моего старшего друга, бывшего директора Смелянского государственного краеведческого музея, ныне покойного Якова Прохоровича Кривошеи⁸⁶:

«В 1939 году я поступил в Смелянскую фельдшерско-акушерскую школу. Однако окончить ее и получить специальность фельдшера, врача, о чем мечтал с детства, не успел: началась страшная война. Вскоре школу, а вместе с нею и нас, учащихся, эвакуировали за Днепр. Добрались до Донбасса. Нас поставили работать, заменяя взрослых, срочно призываемых в армию. С приближением немцев их авиация немилосердно бомбила всё подряд. Мы, мальчишки и девчонки, были брошены на произвол судьбы. Нам, юнцам, пришлось самостоятельно возвращаться, уже по оккупированной территории, на Правобережье – в родные места. Когда, после опасных приключений, вернулся к родителям в Самгородок, там уже царил «новый порядок»⁸⁷ ...

История № 3.

Некоторые из моих земляков, спасаясь от наступающих немцев, в Донбассе не задерживались и продолжали тащиться дальше на восток. Такой была семья Риты Темненко⁸⁸. По ее словам, приостановились они только где-то в донских степях. Не знаю всех обстоятельств, но в какой-то момент, еще до прихода немцев, Темненки решили возвращаться в Смелу. Шли-топали несколько долгих месяцев, где пешком, где пристроившись к чужой повозке таких же, как и они, горемык... Перешли линию фронта. Было и такое! Немцы вроде бы даже в чём-то им здесь поспособствовали – во всяком случае нашим беженцам не препятствовали... Потом пробирались по оккупированной территории, причем некоторые участки удавалось проезжать даже по железной дороге! Натерпелись всякого. Короче говоря, обратный путь на родину стал для них настоящей одиссеей...

История № 4.

А вот семью моего школьного друга Виктора Олейника⁸⁹ эвакуация занесла и вовсе «за тридевять земель»...

В начале войны отец Виктора был мобилизован и находился где-то на стороне. Когда эвакуация станции приобрела авральный и почти панический характер, ему удалось заскочить домой. Свидание с семьей было скоротечным: отец должен был без промедления возвращаться к месту службы. Но всё же он успел посадить свою Веру и детей в отправляющийся эшелон и с ними попрощаться.

Остановились сначала на станции Поворино, на восточной границе Воронежской области⁹⁰. Тяжело приходилось родительнице Виктора: надо было как-то выживать и кормить

⁸⁶ Рукопись «Летопись ветерана Великой Отечественной войны и труда Кривошеи Якова Прохоровича». – Смела, 1999. – Мой архив.

⁸⁷ Отредактировано мною.

⁸⁸ Темненко Рита Вениаминовны – ныне моя дальняя свойственница. Проживает в Малой Яблоновке по улице Циолковского, д. 14. В свое время мы учились с ней в одной школе, однако знакомы не были; она была двумя классами моложе меня.

⁸⁹ Виктор Георгиевич Олейник (1935–2021) – в будущем генерал-майор авиации в отставке. Мы учились с ним в параллельных классах и дружили с 1944 года. Наши семьи знали между собою с довоенных лет. В 30-е годы дедушка Виктора по матери, Алексей Сукач, обучал моего отца токарному делу, но особенно близки были наши мамы. Маму Виктора, Веру Алексеевну, в девичестве Сукач, у нас в семье называли не иначе, как Верка Сукачка. В прошлом Олейники-Сукачи проживали в Куту по улице Пионерской, д. 16.

⁹⁰ В 220 км от областного центра и в 350 км от Сталинграда.

двоих несовершеннолетних ребят. Как это ей удавалось, сейчас не расскажешь. Когда началось генеральное наступление немцев в сторону Волги и на Сталинград, важная в стратегическом отношении узловая станция Поворино стала объектом нещадных бомбежек вражеской авиации. Бомбежкам подвергались железнодорожные эшелоны, военные госпитали, жилые дома, при этом каждый раз гибло много народу. Олейники снялись с места и в поисках спасения подались дальше на восток, в Среднюю Азию...

Осели в далеком «Туркестане». Здесь – новые испытания. Мама Виктора с трудом нашла работу (кажется, уборщицей). За нее платили натурой – в день Вера получала чашку риса. Но разве это достаточно на троих? Денег нет, да и купить нечего. Местные жители, видя наплыв голодных беженцев, увели свою мелкую живность в горы. Короче говоря, есть нечего, но питаться же чем-то надо. Сначала ели водившихся в той местности сусликов; потом, когда их выловили, в пищу пошли кошки, за ними – собаки... Виктор на всю жизнь запомнил, как они мучились от отсутствия соли и страшно голодали. Даже пухли с голоду!

Сразу после освобождения Смелы отец приехал к ним и перевез на родину. Бабушка и дедушка Виктора (они в эвакуацию не выезжали и оккупацию перетерпели в своей хате в Куту), слава Богу, живы-здоровы. Бабушка из крупы, которую приберегла на черный день, сварила кашу. Страдальцы, измороженные длительным бесхлебьем, давно не видавшие нормальной пищи, с жадностью набросились было на еду, но дедушка их тут же придержал. Нельзя есть сразу много: будет плохо с желудком! Постепенно увеличивая порции, бедняг отхаживали не один день.

Скитальцы, замечу, из эвакуации вернулись, можно сказать, нищими. Жизнь надо было начинать заново. Отец к этому времени уже демобилизовался и работал, кажется, в Одессе – по железнодорожной части. Привезя семью в Смелу, он сразу уехал, обещая вскоре вернуться. Но что-то не сложилось, он не приехал к своим ни вскоре, ни потом – семья распалась. Больше его не видели...

Затянувшееся описание эвакуации Смелы закончу самой близкой мне историей – воспоминанием об эвакуации семьи моей бабушки Тины и дяди Павла Капелюхи.

История № 5.

Шевченковский паровозовагоноремонтный завод вывозился в Поволжье. Часть его была направлена на паровозоремонтный завод города Алатыря в Чувашии. Для другой части завода конечным пунктом стала станция Канаш, в той же Чувашии – почти у самой Волги. В августе 1941-го сюда, на Канашский вагоноремонтный завод, прибыли, вместе с семьями, сотни рабочих и служащих из Смелы⁹¹. Сюда же попали и наши Капелюхи.

Приезжие размещались в близлежащих селениях. Шевченковские рабочие, а в их числе Павел и Василиса, сразу влились в коллектив местного завода и приступили к монтажу привезенного оборудования. Уже через три месяца, в ноябре 1941 года, начался выпуск военной продукции. Во вновь организованных цехах производились боеприпасы, строились бронепоезда, бронетранспортеры, автофургоны, ремонтировались танки, выполнялись и другие заказы фронта...

Почти три года прожили Капелюхи в Канаше в чувашской семье. Здесь же бабушка и потеряла сына. Изнурительный труд (часто на открытом воздухе в самые сильные морозы), лишения, голод и, как следствие, болезнь легких, свели Павла в могилу.

⁹¹ Попутно добавлю: Смелянский машиностроительный завод был эвакуирован тогда в город Молотов (с 1957 года Пермь). После войны, в память о местах эвакуации смелянских предприятий, в нашем городе появятся улицы с названиями Алатырская, Канашская, Пермская.

Вернемся в июль 1941 года.

После войны – до самого конца прошедшего столетия – подробности о вторжении немцев в Смелянщину и приходе их в наш город можно было узнать исключительно от еще здравствующих самовидцев тех событий.

Что же касается советской историографии, то она по понятной причине их просто замалчивала. Вся драма первых месяцев войны представлялась ею одной-двумя общими фразами, вроде таких:

«В начале августа 1941 года вражеские войска захватили родной край. Пришли черные дни фашистской оккупации»; «В начале августа 1941 года войска фашистской Германии оккупировали Смелянщину»; «Мирный творческий труд прервала война... 4 августа вражеские войска захватили город»; «5 августа гитлеровские войска ворвались в Смелу»; «4 августа 1941 года был занят врагом железнодорожный узел станции имени Тараса Шевченко»...

Сейчас свидетелей того тяжелого времени, способных в свои преклонные летá надежно, без искажений извлечь из закоулков слабеющей памяти то, что видели их глаза три четверти века тому назад, – таких свидетелей, можно сказать, не осталось. Зато появилось множество архивных и прочих документальных материалов, касающихся нашей темы. Большой частью они выложены в интернет-пространстве и вполне доступны исследователям⁹². Тем не менее сложить хоть какую-то историю нашествия немцев в наш край по новым, открытым в последние годы, источникам пока еще никто не решился. Моих земляков подобные вопросы теперь, в наш эгоистический, меркантильный век, волнуют мало. Попробую, хотя бы частично, восполнить этот пробел.

⁹² В их числе:

1. Директивы Ставки Верховного Командования;
2. Записи переговоров по прямому проводу начальника Генерального штаба с главнокомандующим войсками Юго-Западного направления и переговоры последнего с командующим войсками Южного фронта.
3. Директивы и боевые распоряжения главнокомандующего войсками Юго-Западного направления (С.М. Буденного);
4. Боевые распоряжения штаба главного командования Юго-Западного направления;
5. Боевые распоряжения командующего войсками Южного фронта;
6. Боевые донесения, оперативные и разведывательные сводки, хронологические записи боевых действий, а также прочие документы штабов Южного и Юго-Западного фронтов.
7. 26 армия. 1-Ф Оперативные документы Штаба 26-й армии.
forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=56724.15;wap2
8. Анализ действий 38 армии в августе-сентябре 1941 года
oldgazette.ru/temp/38A.doc
9. В Киевской оборонительной операции. Оборона Черкасского плацдарма. Извлечение из мемуаров генерал-лейтенанта Дмитрия Ивановича Рябышева, в августе 1941-го командующего 38-й армией (Рябышев Д.И. Первый год войны / [Лит запись В. М. Зоткина]. — М.: Воениздат, 1990. — 255 с.)
10. Сведения о **116-й стрелковой дивизии**:
– 116-я стрелковая дивизия (1-го формирования) — Википедия.
[https://ru.wikipedia.org/wiki/116-я_стрелковая_дивизия_\(1-го_формирования\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/116-я_стрелковая_дивизия_(1-го_формирования)).
– 116 СРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ - Стрелковые дивизии, бригады - "ЗАБЫТЫЙ ПОЛК..." www.polk.ru › ...
› Стрелковые дивизии, бригады.
– Память народа: Боевой путь воинской части: 116 стрелковая дивизия...
<https://pamyat-naroda.ru/warunit/116+сд/>.
– Оперативные сводки штаба 116 стрелковой дивизии.
11. Донесение комбрига Н.П. Иванова, прорвавшегося 6-7 августа 1941 года на танке БТ-7М тылом немцев и вышедшего к нашему фронту в районе Смелы. <http://niemirow-41.livejournal.com/4777.html>.
12. Сведения о **212-й мотострелковой дивизии**:
– 212 Стрелковая Дивизия. Боевые действия. Сводки, боевые донесения, переговоры.

Вот эскиз в некоторой мере цельной картины уже почти забытых дней, приправленный моими скромными воспоминаниями...

Шла третья неделя войны. Однако, что происходило в действительности на ближайших к нам участках фронта, где проходила линия фронта, насколько далеко немцы зашли на нашу территорию, какие города мы потеряли, – всё это смелянский обыватель представлял слабо...

Из скупых, сдержанных сводок Совинформбюро, которые передавались по радио, узнаешь немного. Вот как они обычно подавались.

Утреннее сообщение.

В течение минувшей ночи продолжались бои (варианты: упорные бои, ожесточенные бои, напряженные бои, крупные боевые действия, упорные боевые действия) – на таких-то направлениях. Реже: боевые действия на фронтах не внесли существенных изменений в положение наших войск.

Вечернее сообщение.

В течение такого-то числа происходили (продолжались, развернулись, шли, развивались, велись) ожесточенные (крупные, большие, напряженные, упорные) бои – на таких-то направлениях. Реже: существенных изменений на фронте не произошло.

Отмечаются и наши «успехи»: наши войска задерживают противника, продвижение крупных мотомеханизированных частей противника; наносят сильные контрудары; противник несет тяжелые потери; танки противника, прорвавшиеся на восток, попали в тяжелое положение; на нашу сторону в полном составе перешел и сдался в плен румынский батальон; в тылу немецких войск развернулись успешные действия партизан, которые наносят противнику серьезные потери; в одном из пунктов фронта наши части разгромили мотополк противника, захватив 400 машин, 300 мотоциклов, 2 бронемшины, 25 орудий, 8 минометов и другое вооружение. И так далее и тому подобное.

Особенно подчеркиваются успешные действия нашей авиации по уничтожению вражеских самолетов. Потери немецких самолетов, как правило, в несколько раз превышают потери наших! К примеру:

Утреннее сообщение от 8 июля:

«За день 7 июля нашей авиацией в воздушных боях и на аэродромах уничтожено 58 самолетов противника. Наши потери за день – 5 самолетов».

Вечернее сообщение от 8 июля:

«За день уничтожено 56 немецких самолетов. Наша авиация потеряла 4 самолета».

Утреннее сообщение от 9 июля:

«По уточненным данным наша авиация в течение 8 июля уничтожила 102 самолета противника, потеряв 10 своих самолетов».

Вечернее сообщение от 10 июля:

«В воздушных боях и действиями по аэродромах наша авиация уничтожила 28 немецких самолетов, потеряв 6 своих самолетов».

Утреннее сообщение от 11 июля:

«По уточненным данным, за 10 июля наша авиация в воздушных боях и на аэродромах уничтожила 58 самолетов, потеряв 9 своих самолетов».

И так далее...

При этом при всём – ни слова о потере наших обширных территорий и крупных населенных пунктов.

А между тем...

Уже 29 июня немцы были во Львове, 2 июля наши войска оставили Тернополь, 7 июля немецкие танки появились на улицах Бердичева, один за другим мы теряли крупные города и дальше: Хмельницкий (8 июля), Житомир (9 июля), Новоград-Волынский (10 июля)...

Наши поражения на украинском театре военных действий объяснялись крайне неудачным руководством Ставки Главного Командования и командования Юго-Западного фронта.

10 июля произошли два события, которые должны были бы повлиять на дальнейший ход военных действий.

Первое: в этот день Ставка передала общее командование частями Юго-Западного направления маршалу **Будённому**. Его задачей была координация действий двух фронтов – Юго-Западного и Южного.

Второе: так называемая 1-я танковая группа немцев, наступавшая на Киев, личным приказом Гитлера была повернута на юго-восток. Цель: совершить на этом фланге глубокий охватывающий маневр, а затем совместно с другими своими войсками окружить основные силы нашего Юго-Западного фронта.

Назначение Будённого положение дел не исправило⁹³, а вот план немцев удался вполне. Нагляднее всего об этом говорит хроника событий.

10 июля.

Начинается переброска под Черкассы 116-й стрелковой дивизии. Отгружены первые 10 эшелонов.

Впоследствии эта дивизия будет защищать район Смелы⁹⁴.

16 июля.

Немцы овладевают Белой Церковью и, несмотря на упорное сопротивление наших войск, продолжают движение на восток и юго-восток, занимая всё новые и новые наши территории.

17 июля.

116 стрелковая дивизия подчиняется 26-й армии Юго-Западного фронта.

Из оперативной сводки штаба Южного фронта Будённому:

⁹³ Вскоре Сталин отстранил Будённого от должности.

Причины? Главная из них в том, что в критической ситуации у Будённого сказался недостаток стратегического таланта. Он продолжал жить прошлым и теперь исполнял, в сущности, роль символической фигуры. Были, наверное, и другие причины. Чтобы лучше понять их, скажу о Семене Михайловиче чуть подробнее.

Будённый был очень своеобразным и до крайности тщеславным человеком. Современники и биографы оставили о нём противоречивые характеристики. Одни, имея в виду недостаточную образованность Будённого, называли его «*безграмотным*» унтером, отмечали, что «*он писал не слишком грамотно*». Другие, наоборот, приписывали ему всяческие дарования. Не забывали упомянуть, в частности, что он будто бы играл, чуть ли не как профессионал, на «*гармонике немецкого строя*», хорошо разбирался в творчестве Льва Толстого и, что особенно примечательно, владел... иностранными языками: немецким, французским, турецким, английским!

В характеристику великого маршала я добавлю и собственную лепту, поскольку имел случай лицезреть и слышать его лично.

Было это в бытность мою студентом Московского авиационного института, в середине 1950-х годов. Тогда Будённый уже не был связан службой по линии Министерства обороны и числился только в руководстве ДОСААФ. Однажды, в день какого-то государственного праздника, его пригласили к нам в институт.

Торжественное собрание. Сияя иконостасом наград на груди и красуясь своими знаменитыми усами, Семен Михайлович живой иконой восседает в президиуме. Когда выступили все, кому надлежало, из местных товарищей, к трибуне пригласили «свадебного маршала». Он деланно поупрямился, показывая, будто выступать не собирался, но потом всё-таки речь сказал. Была она какой-то простоватой, невнятной, местами не по делу, вязалась из общих фраз – в общем, была такой, какую можно было «произнести» по любому праздничному поводу. Косноязычие легендарного маршала, особенно на фоне выступавших до него, меня тогда, признаюсь, удивило, смутило и даже больше – совершенно разочаровало... И это наша слава и гордость, наш герой, о котором народ распевал песни, о котором снято столько фильмов, написано столько книг? С таким владением родным языком, с такими ораторскими способностями, которые в тот раз показал Будённый, он смог освоить несколько иностранных языков? Не верю!

Короче говоря, основания снять Будённого с поста командующего Юго-Западным направлением у Сталина были.

⁹⁴ В окрестностях Смелы будет действовать также и 212-я стрелковая дивизия.

В последние дни увеличилась интенсивность бомбардировок авиацией противника наших мостов, переправ, эшелонов; его самолеты применяют бомбометание пикированием с больших высот; средств для прикрытия железнодорожных станций «*Знаменка, Цветково... Бобринская*» от налетов вражеской авиации «*фронт не имеет*».

19 июля.

Мы оставляем **Винницу**.

116-я стрелковая дивизия, выгруженная к названному числу «*основными силами в районе Черкассы (20 эшелонов)*», сосредотачивается в районе Сидоровки⁹⁵.

В очередной раз бомбардированию подвергается станция «*Бобринская*».

21 июля.

К 18 часам танковые части противника прорываются в **Умань, Монастырище**.

116-й дивизии командующим 26-й армией приказывается:

оставаясь «в занимаемом р-не Млеев, Ксаверовка, Орловец» со штабом в Орловце, «немедленно... приступить к рекогносцировке и подготовке оборонительного рубежа Мошны, Староселье, Смела, Чернявка...»;

«важнейшее направление – ... главным образом участок Смела – прикрыть сильными отрядами с противотанковой артиллерией и пулеметами»;

разведку вести в «направлениях Городище... Шпола, Звенигородка, Смела...»

22 июля.

116-я дивизия числится в армейском резерве со штабом в Смеле.

Очередной приказ командарма уточняет задачу дивизии:

«Прочно прикрыть направление Звенигородка, Шпола, Смела, Черкассы, сосредоточив главные силы в р-не Смела... продолжать подготовку и инженерное оборудование предмостных укреплений на рубеже Мошны, Староселье, Смела, Чернявка... Особое внимание обратить на создание противотанковых препятствий и организацию огневой системы, которые бы исключали возможность проникновения бронетанковых войск противника к переправам.

Создать и иметь в постоянной боевой готовности подвижные отряды для борьбы с авиадесантами противника. Разведорганы выдвинуть на линию Звенигородка, Шпола, Новый Миргород...»

На оборонительном рубеже Черкассы – Смела – Шпола начинается строительство линии противотанковых препятствий.

23 июля.

Противник захватывает **Лисянку**.

116-я дивизия «*заканчивает сосредоточение в р-не Смела и приступает к подготовке предмостных укреплений*».

212-я «*дивизия прибыла в р-н Черкассы и приступила к подготовке оборонительного рубежа*».

25 июля.

Наши 6-я и 12-я армии получают директиву отойти на рубеж Звенигородка, Христиновка. Войска этих армий ведут тяжелые оборонительные бои с превосходящими силами противника. Боевым распоряжением главнокомандующего Юго-Западного направления Будённого приказано командующему Юго-Западного фронта Костенко⁹⁶ выделить из состава 116-й стрелковой дивизии «*подвижные отряды в направлении Звенигородка, Шпола*».

⁹⁵ Село в 25 км к западу от Корсунь-Шевченковского.

⁹⁶ Костенко Фёдор Яковлевич.

26 июля.

Штаб 116-й дивизии по-прежнему дислоцируется в Смеле.

Из состава дивизии выделяются два, обеспеченных противотанковой артиллерией, отряда на автомашинах – силою в батальон каждый. Их задача: организовать противотанковую оборону и службы заграждения в районах Звенигородки, Шполы, Лебедина.

К 22 часам мелкие разведгруппы противника проникают в район Звенигородки.

27 июля.

К исходу дня противник занимает **Тальное**.

Связь штаба армии с 116-ой дивизией прервана...

28 июля.

Вражеская авиация совершает массированный налет на аэродром в Ротмистровке; во время налета осколком бомбы убит военком 44 истребительной авиационной дивизии Жунда⁹⁷.

Немцы уже вблизи Звенигородки, потеряна **Ольшана**. До Смелы, можно сказать, рукой подать – каких-то 60 километров!

Наши войска, отступая, переходят на новые оборонительные рубежи.

116-я дивизия продолжает укреплять рубеж Свидовок – восточный берег болота Ирдынь – Смела – северный берег Тясмина – Чернявка.

Ставка Верховного Командования планирует контрудар смежных флангов Юго-Западного и Южного фронтов с целью приостановить наступление противника в направлении Звенигородки и Черкасс и воспрепятствования его выхода к р. Днепр.

Увы, поздно!

29 июля.

Противник развивает стремительное наступление на всех направлениях.

Навстречу ему, в район севернее Звенигородки, боевым распоряжением штаба главного командования Юго-Западного направления приказано выдвинуть части 212-й дивизии, оборонявшей переправы под Черкассами. Одновременно задача уничтожить противника в районе той же Звенигородки ставится и авиации Юго-Западного фронта.

Приказы окажутся невыполнимыми.

Мы теряем **Звенигородку**.

Завязываются воздушные бои над аэродромом в Ротмистровке. Сбит защищавший аэродром летчик 249-го истребительного авиационного полка Графов⁹⁸.

Командирам 116-ой и 212-ой дивизий приказано *«привести гарнизоны предмостных укреплений в полную боевую готовность и быть готовым для решительного отражения попыток противника просочиться»* к переправам в районе Черкасс.

30 июля.

Немцы захватывают **Корсунь-Шевченковский**, появляются под **Городищем**.

116-я дивизия *«имеет отряды на линии м. Городище... Шпола, Лебедин; линию усиленного боевого охранения пос. Шевченковский⁹⁹, Западная¹⁰⁰, восточный берег Ирдыня до меридиана Будки; заставы и органы наблюдения»*.

Главными силами занят рубеж Белозерье, Б. Бузуков, Нечаевка. Дивизия производит на этом рубеже развитие оборонительных построек.

⁹⁷ Жунда Владимир Яковлевич, полковой комиссар. Был похоронен в Ротмистровке. Имя его высечено на мемориальной гранитной стене, установленной на братской могиле советских воинов в центре села.

⁹⁸ Графов Николай Андреевич, младший лейтенант. По данным [<https://obd-memorial.ru/html/>], он был похоронен « в 2 км от аэродрома. Ротмистровка».

⁹⁹ Смотри «п. Шевченковский» и нынешний микрорайон «Шевченково» на картах на стр. 6 и 7.

¹⁰⁰ Название пункта в цитируемом источнике искажено неверным воспроизведением исходного архивного документа. Правильным названием места является «Западная» (юго-западная окраина нынешней Балаклеи).

212-я дивизия подтягивается к фронту и, находясь с 12.00 на марше, в 19.00 проходит через Смелу.

31 июля.

По данным нашей радиоразведки, противник сосредотачивает танковые и мотомехчасти в районе Городища, Цветково, Шполы.

Командование Южного фронта сообщает начальнику штаба Юго-Западного направления о решении нанести *«удар по противнику в направлении Звенигородки»* и просит дать указания 116-й и 212-й дивизиям Юго-Западного фронта *«организовать контрнаступление в... направлении Звенигородка»*.

Пока решается вопрос, отдельным частям названных дивизий, посланным несколько дней тому назад навстречу противнику в район Шполы и Городища, приказано *«выполнять ранее поставленную задачу»*.

212-я дивизия с утра частью сил уже держит оборону в районе Городища, главные же ее силы отстают – лишь в 9.00 заканчивают прохождение Смелы. Штаб дивизии временно размещается в лесу в одном километре к югу от Белозерья.

Положение наших частей ухудшается с каждым часом. Серьезный урон несет 178-й отдельный разведывательный батальон 116-й дивизии. Не выдерживает напора неприятеля 1-й батальон 548-го полка той же дивизии. Батальон рассеян – с потерями отходит одной *«ротой к Смеле, с остальной частью батальона связи нет»*...

Связь между отступающими частями, между ними и штабом армии то и дело теряется. Всё чаще в оперативных документах мелькают фразы: *«связи с соседями нет»*, проводная связь с такой-то частью потеряна, *«данных о положении дивизии не поступало ввиду порыва связи»*, *«донесений о положении частей не поступало»*. Данные по населенным пунктам в это время были настолько недостаточны и противоречивы, что трудно было понять, в чьих руках они находятся.

В Смеле – атмосфера растерянности. Не удовлетворяясь сбивчивыми сведениями о противнике, полученными от проходивших через город военных, местные власти предпринимают попытки добывать информацию о продвижении немцев и собственными силами. Из оперативной сводки штаба 212-й дивизии о разведке в середине дня в районе Лысянка – Городище: *«Сведения получены от Капитана Савченко 116-й стрелковой дивизии и от разведки по заданию секретаря райкома м. Смела»*.

Последние дни июля.

На ближних и дальних подступах к Смеле силами местного населения спешно оборудуются противотанковые оборонительные рубежи.

Вспоминаю те дни.

Ближайший к нам участок оборонительной линии был назначен на стороне Великой Яблоновки. Он начинался от известной кладки через реку на нашем выгоне, которая соединяла Малую и Великую Яблоновки, и тянулся по подножию высокого берегового склона Гнилого Ташлыка на юг – к мосту через реку на выезде из нашего села (см. карту 3 главы «География малой Родины» настоящих Воспоминаний).

На работы были мобилизованы все взрослые работоспособные жители окрестностей. От нашего двора в них участвовала, помню, только мама. (Отец, обязан был еще являться на завод, а дедушка Карп и бабушка Матрёна, как старики, к ним не привлекались.) На строительстве противотанкового рва пару раз побывал и я – носил туда маме обед, так как отлучаться с работ не разрешалось... Трудилась мама тут бок о бок со своими земляками – бывшими соседями по родной улице, где проживали Капелюхи. Все старались, но когда приходила минута передышки, кое-кто из мужиков, возомнивших себя знатоками фортификации и военной стратегии, позволяли себе критику: зачем, мол, ров копаем именно здесь, если вражеские танки могут обойти рубеж другими, свободными от препятствий, проходами... Даже я, малолеток, насмотревшийся фильмов с танковыми атаками, молча «соглашался» с соображениями великояблоновских «экспертов».

Строительство противотанкового рва на окраине Великой Яблоновки, велось, если мне не изменяет память, дня два-три, но до какой степени он был выполнен и был ли он вообще завершен, сказать определенно не могу. Могу лишь сослаться на общую информацию штаба Южного фронта о наличии противотанковых оборонительных рубежей в тылу фронта от 2 августа: *«Инженерным управлением фронта силами местного населения оборудованы следующие противотанковые рубежи: 1) Черкассы, Смела, по р. Гнилой Таилык, Куцовка, Шпола...»* Как долго после войны сохранялись следы того противотанкового рва в Великой Яблоновке, судить не берусь, так как в те места меня, пацана, не заносило...

1 августа.

По данным авиации отмечается движение крупных мотомехколонн противника (длиною до 10, 15 и даже до 30 километров!) из Белой Церкви, Таращи, Звенигородки в сторону Мироновки, Корсуня, Шполы...

Командующий 6-й и 12-й армиями Юго-Западного фронта, действовавших в районе Умани, генерал Понеделин¹⁰¹ радиogramмой доносит комитету обороны при Совнарком: его положение стало критическим, окружение 6-й и 12-й армий почти завершено.

Командование Южного фронта обращается к Будённому, повторяя просьбу разрешить провести операцию, обеспечивающую выход армий Понеделина из окружения: *«совместно с частями 116-й и 212-й дивизий Юго-Западного фронта ударами в общем направлении Звенигородка уничтожить Шпола-Звенигородскую группировку противника...»*

Согласиться на этот ход Будённый не может. Поздно! 116-я и 212-я дивизии *«связаны противником... их... действие... не является реальным делом».*

А тем временем...

Подразделения 212-й дивизии, направленные накануне держать *«оборону в районе Городища»*, под напором врага откатываются в сторону Смелы. Перед фронтом дивизии действуют части немецких 9-й и предположительно 11-й танковых дивизий.

Диспозиция отступающих частей по оперативной сводке штаба дивизии¹⁰² на новых оборонительных рубежах:

«Части 212 СД¹⁰³ к утру 1.8.41 года заняли участок обороны:

Носачев – 2-й батальон 669 МСП¹⁰⁴, фронтом на ст. Цветково;

хут. Холодный Яр¹⁰⁵ – 2-я рота с орудием от этого батальона, фронтом на Станиславич¹⁰⁶;

Куцовка – пулеметы и орудие 2-го батальона, фронтом на Матусов;

совхоз западнее Николаевка¹⁰⁷ 2 км, – 3-й батальон 669 МСП, фронтом на Ротмистровка;

штаполк¹⁰⁸ ...МСП Ротмистровка;

сев. окр. Николаевка – 1-й дивизион 655 АП¹⁰⁹ (без орудий), фронтом на ...-запад.

¹⁰¹ Понеделин Павел Григорьевич.

¹⁰² Штаб размещен в лесу, в одном километре к югу от Белозерья.

¹⁰³ СД – стрелковая дивизия.

¹⁰⁴ МСП – мотострелковый полк.

¹⁰⁵ Хуторок примерно посредине между селами Носачов и Куцовка.

¹⁰⁶ Станиславчик.

¹⁰⁷ Совхоз значится на крупномасштабных картах 30-х – 40-х годов прошлого столетия. Расположен с левой стороны дороги Ротмистровка – Константиновка, примерно на полпути между этими пунктами.

¹⁰⁸ Штаб полка.

¹⁰⁹ АП – артиллерийский полк.

п. Шевченковский, южнее совхоза¹¹⁰ батарея 655 АП, фронтом Б. Яблоновка¹¹¹ (без орудий);
ст. Бобринская, южн. окр. Смела – 4, 5 и 6 батареи 655 АП побатарейно, фронтом на юг и юго-запад (без орудий);
ст. Смела – 3-я рота мотоциклетного полка, фронтом на запад;
южная окраина Смела в изгибе реки и жел. дороги за ж.-д. мостом¹¹² – 2-я рота 21 мотоциклетного полка, фронтом на запад;
Яблоновка южнее 2 км, – 1-я рота 21 мотоциклетного полка, фронтом на юг и юго-запад;
Смела восточная окраина, ...мотоциклетного полка фронтом на восток;
штаполк – Смела;
692 СП занимает участок обороны Терновка, Райгород, Б. Яблоновка (точного расположения по батальонам сведений не имеем);
ОЗАД¹¹³ на огневых позициях – Белозерье, сев. 4 км у указателя дорог, по сторонам дороги Белозерье – Черкассы...»

В 14 часов 30 минут мотопехота и конница противника окружают в Городище 2-й батальон 441-й полка 116-й дивизии. Вырываясь из окружения, батальон несет большие потери в личном составе и матчасти.

В такую же скверную ситуацию попадает и 2-й батальон 656-го полка той же дивизии. По оперативной сводке штаба дивизии, батальон «*после боя в окружении в районе Городища*», потеряв «*большую часть своего состава, вышел из окружения в направлении Б. Староселье*».

Не удерживаются на утренних, занятых с ходу, необорудованных рубежах части 212-й дивизии. Бои идут в районе Ротмистровки и станции Владимировки...

Из боевого донесения № 03 штаба дивизии:

*«Противник к исходу дня 1.8.41 года вклинился в расположение 212-й СД и занял **Ротмистровку, Матусов, Лебедин**, имея 22 танка, артиллерию и пехоту.*

По сведениям командира 669 СП полковника Букреева, создавшееся положение угрожало отрезать и окружить 692 СП, занимавший участок обороны Поповка, Ташлык, Екатериновка, Лозановка, Райгород.

Части 212-й СД под натиском противника отошли и заняли участок обороны:

669-й СП – Будки, Константиновка; 692-й СП – Смела, южная окраина; 21-й мотоциклетный полк – сев. берег р. Тясмин, сев. Смела; 655-й АП (без матчасти) – южнее Белозерье, лес в тыловом районе расположения 116-й СД¹¹⁴».

¹¹⁰ Совхоз в нынешнем микрорайоне Холоднянское.

¹¹¹ В печатных версиях приводимой здесь оперативной сводки населенный пункт в этом месте текста называется «**В Ягелоновка**» или «**В Елоновка**». Эти искажения объясняются неверным прочтением исходного архивного документа (по-видимому, рукописного), в котором, скорее всего, фигурирует запись «**В [В – от Великая] Яблоновка**» или «**Б [Б – от Большая] Яблоновка**».

¹¹² Не совсем ясное место. Я склоняюсь к тому, что это район Кута («*южная окраина*» собственно Смелы), севернее гречковского железнодорожного моста («*за ж.-д мостом*»), где Тясмин имеет приличный изгиб («*в изгибе реки*») – а, если точнее, современная улица Коробейника.

¹¹³ Отдельный зенитный артиллерийский дивизион.

¹¹⁴ Здесь приводится исходящее и потому наиболее достоверное описание последнего рубежа обороны Смелы. Варианты его представления в других боевых документах:

«Будки, южн. окр. Смела» (Оперативная сводка штаба 26-й армии № 066);

«Константиновка, Шевченковский, Гриковка [искажение от Гречковка]» (Донесение начальника штаба Юго-Западного фронта генерал-майора В.И. Тупикова начальнику оперативного управления Генерального штаба Красной армии);

«Будки, Бобринская, роща юго-восточнее Смелы» (Оперативная сводка Генерального штаба Красной армии № 84); Единственным объектом, соответствующим определению «*роща юго-восточнее Смела*», является, пожалуй, известное урочище **Довжик** в Гречковке.

В этот же день 1-я танковая группа противника, **обойдя Смелу, достигает Новомиргорода**, а это уже Кировоградская область!

Наши войска оставляют **Умань, Шполу**. Полностью переходит в руки немцев **Городище**... Мы теряем **Орловец, Балаклею, Ковалиху**... В районе этих пунктов противник сосредотачивает крупные силы...

Положение Смелы становится критическим. Минируются железнодорожные мосты вокруг нашей станции.

Через село отступают остатки потрепанных немцами наших подразделений, которым удалось вырваться из окружения под Звенигородкой, Шполой и Городищем...

Рассказывает знакомый уже нам Владимир Скрынник: *«Прекрасно помню, как по нашей улице в сторону Великой Яблоновки шли отступающие солдаты. Было немало раненых, а среди них были такие, кто самостоятельно двигаться не мог. У нас был конь, которого отец, уходя на фронт, оставил нам с мамой, так что она лично отвезла на нём четверых таких тяжелораненых в больницу Малой Яблоновки...»*

В отличие от Скрынника, я отступавших не видел: либо они около нас не проходили, либо я в это время где-то шлялся на стороне. Зато я был свидетелем другого, запавшего в мою детскую память, события этого дня.

По Первомайской улице прошлись какие-то военные и предупредили, что вечером, по сигналу сирены, будут взрываться мосты: гречковский – через Тясмин и ближайший к нам – через ручей Холодный. Всем жителям окраины наказано: во избежание неприятностей от взрывов удалиться вглубь села и, как только раздастся предупредительный сигнал сирены, прятаться в каком-нибудь укрытии. Мы могли бы перейти «на выгон», к нашим родственникам Ревенкам, однако дедушка Карпо посчитал, что лучше попросить убежища у своего товарища, семья которого жила чуть ближе к нам – в самом конце главной улицы Малой Яблоновки, у самого Тясмина. У него имелся капитальный, выложенный камнем, погреб, внутренностью глубоко уходящий в береговой склон реки. Настоящее бомбоубежище!

И вот сидим в хате дедушкиного приятеля. Уже смеркается, а взрослые всё обсуждают, как оно всё будет, насколько сильны будут взрывы. Дедушка переживает: будут ли взрывать водокачку¹¹⁵? Ведь это очень важный для станции объект: всем понятно, что станция и паровозы без воды – как говорится, и ни туды, и ни сюды... Видавший виды железнодорожный мастерской, наш Карпо объясняет, как проще всего вывести из строя водокачку. Надо лишь вынуть несколько кирпичей из основания трубы, после чего легко можно будет ее свалить. Конечно, следует еще что-то сделать с оборудованием водокачки, с ее насосами¹¹⁶... Я с интересом слушаю его рассуждения. Чувствую нарастающее напряжение взрослых, страшновато становится и мне...

Тревожно завывла сирена. Мы – сразу в погреб. Закрываемся, волнуемся. А как же? Когда на станции во время бомбежек рвались вагоны с боеприпасами, осколки долетали до самой Первомайской. А тут будут взрывать мощнейший заряд, почитай, под боком. Остается ждать...

Ахнул первый взрыв... Соображаем: это – мост на нашей, одесской, линии. Мы – в порядке, и погреб цел. Спустя несколько минут гремит второй взрыв – подорван гречков-

¹¹⁵ Она располагалась у поворота при въезде на станцию по одесской линии, рядом с семафором.

¹¹⁶ Не могу ручаться, но мне кажется, что трубу водокачки тогда не взрывали...

Уже после войны от старших я услышал следующую историю. Перед самым приходом немцев кто-то из наших рабочих будто бы закопал самое ценное оборудование водокачки где-то на ее территории. Делалось это по возможности скрытно, а секретное место знали лишь два-три человека. Когда станция была освобождена от фашистов и началось восстановление станционного хозяйства, вспомнили о спрятанных насосах. Долго их искали, но так и не нашли: носителей тайны в живых не осталось...

ский мост... Сирена ревет отбой. Пронесло... Облегчение... Оказывается, «не такой страшный чорт, як його малюють!»¹¹⁷

К себе возвращаемся в раздумье. Что теперь нас всех ждет? Дóма осматриваемся. Подворье, хата в порядке – никакого ущерба. Саперы, выпроваживая нас из околицы поселка, видимо, подстраховались – их операцию можно было пересидеть и в своей хате...

2 августа.

Утро. Станции не слышно. В воздухе висит гнетущая тишина. Непривычно! Взрослые то и дело выглядывают за ворота: хочется поскорее узнать новости. Но улица пустынна. Наконец кто-то приближается со стороны ярка. Был на станции? Что там? Да там, отвечает, полная анархия. Начальствующие исчезли. Одни уехали с последним эшеленом, остальные разбрелись кто куда. Одним словом, никакой власти, никакого порядка. Всюду носится местный народ, подбирает всё, что осталось после эвакуации станционного имущества и что может пригодиться в личном хозяйстве.

Побежал за дармовщинкой на Бобринскую и отец. Через какой-то час возвращается, притащил пару расшатанных конторских стульев¹¹⁸. Успел, говорит, уже к шапочному разбору. Правда, присмотрел кое-что еще, но нужен транспорт и подмога. Взял возыка, нас с Николаем, и снова гайда на станцию.

Вот и дирекция Шевченковского отделения железной дороги, куда мы направлялись. Пока отец и Николай грузили на возык тяжелый, в продолговатом деревянном болотного цвета ящике, аккумулятор, я обхожу опустошенные помещения. Шустрые охотники успели вынести всё – на полу валяются лишь обрывки бумаг. Замечаю какую-то книгу. Листаю, ищу красивые картинки – то, что может меня в ней привлечь, ведь я читать еще не умею, даже букв не знаю. Однако все они какие-то непонятные, невзрачные... Тем не менее книгу забираю с собою. Это – моя добыча!

Дотавив находки домой, отправились во вторую ходку. В этот раз притащили бочку, наполовину заполненную смолой...

Доставшиеся нам трофеи оказались для семьи практически бесполезными.

Аккумулятор какое-то время простоял в сарае без применения. Электрических лампочек для него не было, мы толком даже не знали, заряжен ли он. Сначала был выброшен сам аппарат, затем, кажется, на дрова был употреблен и оставшийся от него ящик.

Бочка со смолой продержалась несколько дольше – как мне кажется, до конца 40-х годов. Стояла она вкопанной днищем в землю за сараем – у выхода со двора в огород. Я не помню, чтобы ту смолу мы для чего-то использовали. Зато отлично помню, как однажды, испачкавшись этой «гадостью», я чуть было не потерял одежду и с великим трудом отмыл руки – такая она была липкая. После того случая я старался обходить опасную бочку стороной.

¹¹⁷ Работы по разрушению мостов, насколько я могу судить, производились силами 29-го отдельного восстановительного железнодорожного батальона (29 овждб), входившего в состав упоминавшейся выше 13-й ождбр и действовавшего на участках, примыкающих к станции «Шевченково». Моя мысль косвенно подтверждается архивным документом: «29-м отд. восст. ж.д. батальоном при отходе со своего направления разрушено на участке Черкассы – Золотоноша и на участке Цветково – Шевченково всего 8 малых жел. дор. мостов, 69 стрелочных переводов, около 15 км верхнего строения пути и водоемное здание на ст. Шевченково» (ЦГА, фонд 13 ождбр, оп. 40019, д. 4 «Описание боевого пути бригады», лл. 1–13).

¹¹⁸ Их история продолжилась спустя полвека, в начале 1990-х годов. Как-то, отдыхая летом у мамы в Малой Яблоновке, возвращаюсь из прогулки вдоль Тясмина. Подхожу к переулку, который спускается от нашей улицы к реке у Камня. «Здоров був!» – здороваюсь с соседом Николаем «Зиминком». Вооруженный длинной хворостиной, он собирал свое стадо гусей, которое разбрелось вдоль берега. Сделав свое пастушье дело, он вернулся и важно воссел на стоявший на пригорке стул. «Нічого собі, – говорю, – не пастух, а прямо пан на троні!» - «А чи знаєш ти, Толя, що це за трон?». - «Не знаю». - «Це ж стуло з вашої хати – те, що твій батько колись приніс із станції. Недавно твій Ніколай виставив два таких у двір, а я й запитую, збираєшся викидати? Да, каже. Краще віддай мені! То він їх мені і подарував!».

Что касается «моей» книги, то она почти сразу пошла на растопку кухонной плиты. Только в зрелые годы, набравшись ума-разума и учености, я сообразил: то была книга по петрологии¹¹⁹ из разоренной железнодорожной библиотеки, а загадочные картинки в ней представляли собою микрофотографии петрографических шлифов¹²⁰...

Вечером случилось еще одно событие, которое ярким пятном врезалось в мою детскую память. За Гречковкой, в поле, полыхнула большенная скирда прошлогодней соломы: кто-то поджег. Гигантские языки пламени взмывали под самые небеса. Прислушиваюсь к комментариям дедушки, уже выдавшем на своем веку что-то подобное. Объясняет: и в ста шагах от такого огнища не устоять; жар страшный, и гореть будет долго – ночи не хватит! Сказанное будоражит мое незрелое воображение...

Зловещее знамение грядущих испытаний!

Вернусь к обстановке на фронте.

1-я танковая группа противника прорывается к **Первомайску** (север Николаевской области!). К этому времени с другого фланга туда выходит 17-я немецкая армия. Соединившись, они полностью замыкают окружение группы Понеделина. Это была настоящая катастрофа¹²¹! Однако о ней у нас в Смеле никто из рядовых жителей знать, естественно, не мог: далековато всё-таки – более двух сотен километров. Мы не ведали даже, что творилось в непосредственном соседстве со Смелой.

Между тем в этот мрачный день...

Поредевшие в тяжелых авангардных боях, части и подразделения 116-й дивизии вынуждены возвращаться к оборонительному рубежу Черкасского плацдарма. Дивизии приказано занять предместные укрепления и производить работы по их развитию.

Ближайший к Смеле участок рубежа *«Басы – южная опушка рощи южнее Белозерье – Степанки – Нечаевка – Чернявка с передним краем... по северному берегу Тясмина»* по состоянию на 15 часов занимает 548-й полк. Штаб полка размещается в Степанках.

178-й отдельный разведывательный батальон после трехдневных боев собирается в Дубиевке. Потери: личного состава (убитыми, ранеными и пропавшими без вести) – около 50 человек. Потери материальной части: танкеток¹²² – 1, пулеметов и винтовок – 24, минометов – 1, автомашин – 1. Подбито 2 танка и 2 бронемашин противника.

Артиллерия дивизии сосредоточена в районе Белозерья.

К исходу дня на Ирдыне взорваны гребли: Верхние, Волчья, около Лепрозория¹²³, Ново-Ивановская, южная гребля Новая к хутору Басы. Оставшаяся Ивановская гребля минирована и подготовлена к взрыву.

Разведка доносит неутешительные сведения.

В Ротмистровке обнаружено *«скопление противника силою до 40 бронемашин, 30 танков с мотопехотою; в Буде-Орловецкой – скопление неустановленной численности»*. 3 танка, 5 бронемашин и 30 мотоциклистов совершили налет на Теклино и, ограбив магазин, ушли в Орловец. Небольшая группа танков и бронемашин продвигается от Городища к Большому Староселью...

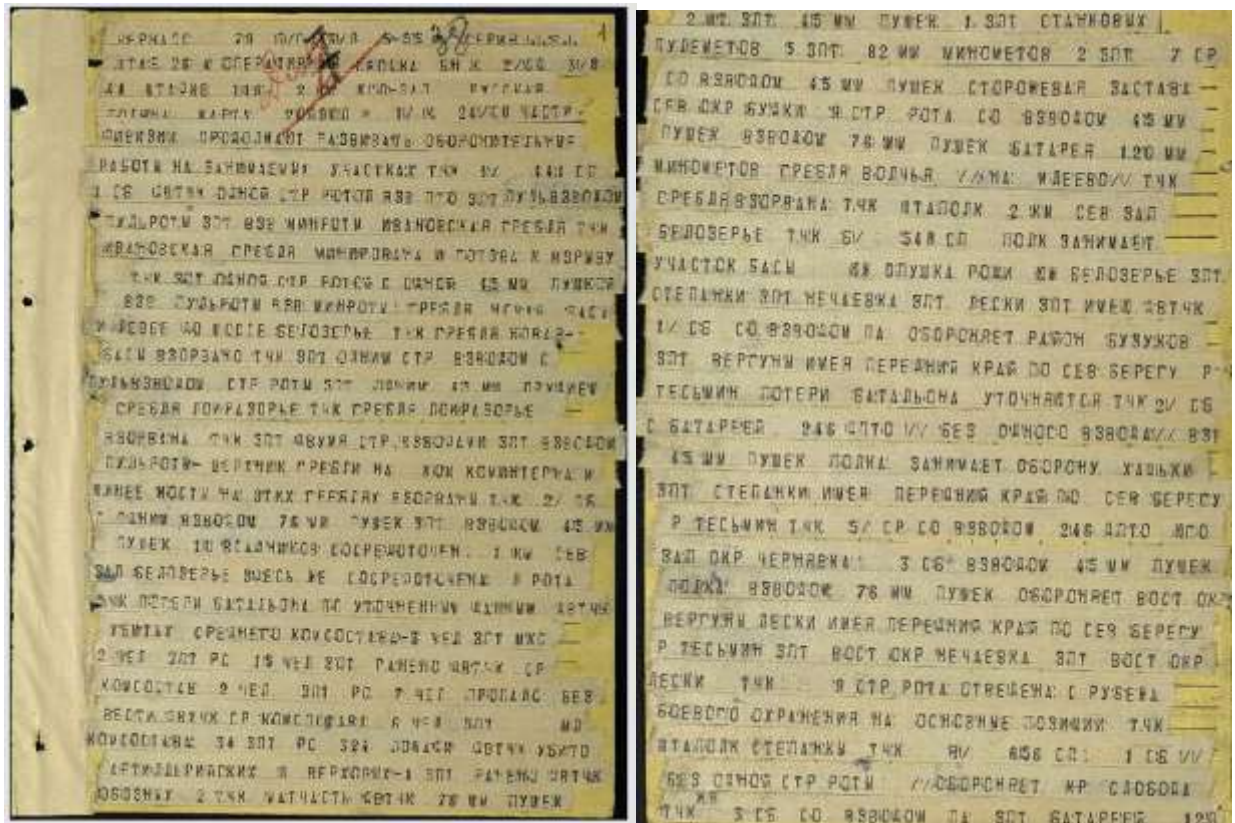
¹¹⁹ Петрология – наука о горных породах.

¹²⁰ Шлиф – тонкая шлифованная пластинка горной породы или минерала для микроскопических исследований.

¹²¹ К юго-востоку от Умани оказались окруженными 20 наших дивизий, или около 140–150 тысяч человек. Немцы возьмут в плен до 100 тысяч человек. В плен попадет и большая часть командного состава 6-й и 12-й армий, в том числе командующий группировки генерал-майор Понеделин... В советское время правда об Уманском «котле» замалчивалась, о нём стали говорить только в последние десятилетия.

¹²² Танкетка – легкий быстроходный танк, вооруженный пулеметом.

¹²³ Лепрозорий – приют для больных проказой (лепрой). Ныне на его месте расположен психоневрологический дом-интернат, приписанный к селу Малому Староселью.

17. Фрагмент оригинала оперативной сводки штаба 116-й дивизии на 2 часа ночи 3 августа 1941 г.

3 августа.

116-я дивизия *«продолжает развивать оборонительные работы на занимаемых участках»*... *«одновременно ведя разведку противника»*.

Уточняются потери. Чрезвычайный урон понес 2-й батальон 441-го полка. По уточненным данным его потери составили: в личном составе (убитыми, ранеными и пропавшими без вести) – 391 человек (более половины наличного состава!); лошадей – 9; пушек и минометов – 5; станковых пулеметов – 5. При этом подбито 8 танков противника.

Сторожевая застава около Смелы поставлена в северной окрестности **Будок**.

«Части дивизии непосредственного соприкосновения с противником не имеют».

С 17 часов оперативной директивой командующего войсками Юго-Западного фронта 116-я и 112-я дивизии переводятся из состава 26-й армии в состав вновь создаваемой 38-й армии. Новой армии ставится задача *«прочно обеспечить за собой черкасский плацдарм, удерживая фронт Староселье – Болото Ирдынь – Бузуков»*.

«...Смела противником еще не... занята, хотя разведывательная часть в этом районе уже была».

К исходу дня немцы полностью овладевают **Первомайском**.

4 августа.

Уже несколько дней в Смеле стоит тишина. Женщины из близлежащих сёл привычно продолжают ходить в город на базар...

Мелкие группы противника беспрепятственно, без особого шума, проникают в лишенную защиты **Смелу**...

По данным, полученным разведкой НКВД¹²⁴, в *«Ротмистровке сосредоточено до двухсот автомашин, броневых автомобилей и танков противника»*

¹²⁴ НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.

5 августа.

Немцы появляются в **Макеевке, Самгородке, Жаботине, Каменке...**

В этот день, или даже днем раньше, в нашей Яблоновке прошел слух, что где-то кто-то уже видел немцев. Родители отправляются в село за свежими новостями. Я хвостиком увязываюсь за ними. Идем к «Соколám», с которыми мой отец дружил еще с юности. Петр Сокол и Ганька «Соколы́ха» проживали на нашей сельской «магистрале», у въезда в Малую Яблоновку со стороны Смелы¹²⁵.

Невеселая встреча. Да, рассказывают Соколы́, немцы уже несколько раз проезжали улицей на Великую Яблоновку... Пока взрослые обсуждали дела, а хозяйка готовила скромное угощение «кумовьям», я вышел на улицу. Уселся на обочине и стал наблюдать. Авось мне повезет – увижу фашистов и я... Сидел, сидел, меня даже на жаре разморило. Спустя какие-то полчаса, не дождавшись ничего, достойного внимания, возвращаюсь в хату.

«Ну, как там, видел немцев?» – спрашивают меня. «Да нет, – отвечаю. – Только два мотоцикла с колясками и какими-то солдатами проехали...» – «Глупыш, так это же и были немцы!» Разве мог я догадаться, что это были именно они? Ведь, по моим детским понятиям, фашисты не могут быть похожими на обыкновенных людей, они должны быть страшными, уродливыми, может быть, даже и с... рогами!

Такова была моя первая встреча с немцами...

Вечером Буденный по прямому проводу докладывает начальнику Генерального штаба маршалу Шапошникову¹²⁶:

«...Противник продолжает развивать свои действия на стыке фронтов; на участке Корсунь, Первомайск протяжением 160 километров наших войск нет. Сегодня к утру противник окончательно овладел районом Кировограда... Единственным средством борьбы с противником в районе Смела, Кировоград, Первомайск, Звенигородка является авиация. Несмотря на это, я до сего времени не получил обещанные Вами три авиаполка. И, несмотря на то, что наземный противник непосредственно приближается к аэродромам четвертого авиакорпуса, Вы запрещаете его использовать».

Из оперативной сводки штаба Юго-Западного фронта № 071:

«116 СД занимает оборону на фронте Б. Староселье, болото Ирдынь, Белозерье, Степанки. Дивизия соприкосновения с противником не имеет.

212 СД обороняет фронт Степанки, Вергуны, Лески. Дивизия соприкосновения с противником не имела».

6 августа.

Противник выдвигает крупные моточасти в направлении Смелы и далее на юг. Из Смелы на Каменку проходит «до батальона танков».

Штабом главного командования Юго-Западного направления отдается приказ авиации Юго-Западного фронта «с утра 7 августа атаковать войска противника перед фронтом ударной группы, а в последующем бить группировки противника в районе Смелы, Звенигородки... Кировограда...»

116-я дивизия занимает прежний рубеж за Смелой.

В этот, как мне кажется, день подразделения 548-го полка, занимавшие ближайший к Смеле участок обороны, предпринимают попытку вернуть занятый противником город. К сожалению, известные сейчас архивные военные документы эту схватку за Смелу не упоминают. Не слышали о ней и нынешние местные краеведы. Зато ее хорошо помнили смелянские старожилы.

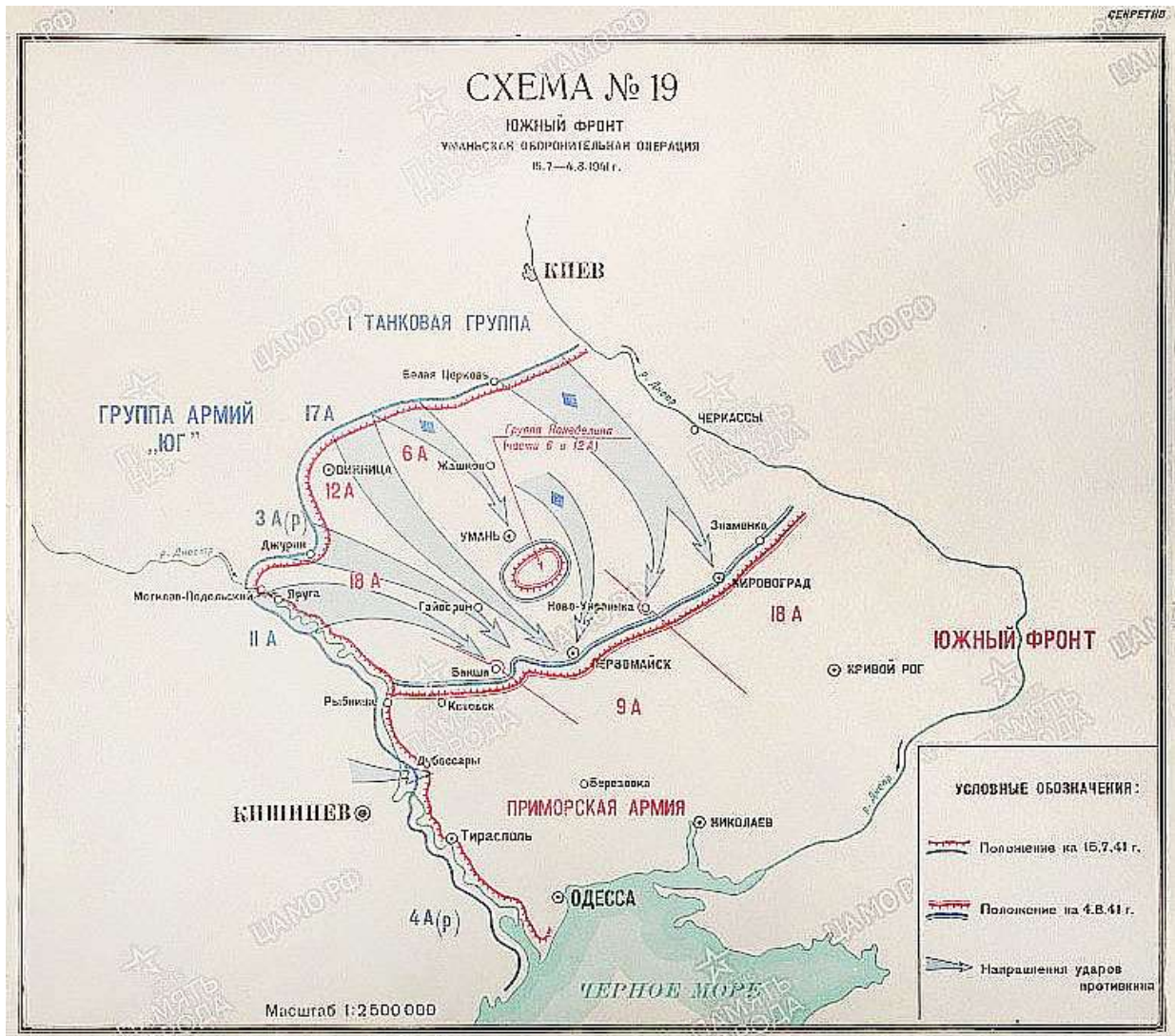
С одним из прямых свидетелей налета наших на Смелу – Левицким¹²⁷ – я познакомился в 2006 году.

¹²⁵ На углу нынешней улицы Кармалюка и Львовской.

¹²⁶ Шапошников Борис Михайлович (1882–1945).

¹²⁷ Левицкий Петр Георгиевич (родился в 1928 году). В 2006 году проживал по ул. Молодогвардейской, 50.

К тому памяtnому дню, о котором здесь идет речь, рассказывал он, немцы в Смеле уже успели немного освоиться. На Смелянской плотине у них стояла пушка. Солдаты орудийного расчета, раздетые до пояса, загорали на солнце рядом.

18. Рассекреченная ныне схема Уманской оборонительной операции (15 июля – 7 августа 1941 г.)

Неожиданно со стороны Юровой горы, послышалась оружейная стрельба, донеслось протяжное «ура-а-а!»... Бой, завязавшийся на окраине, приближался к центральной части города. Наша крупная артиллерия, сосредоточенная под Белозерьем, стала долбить по плотине. Именно тогда было разрушено стоявшее здесь историческое 5-тиэтажное здание вальцевой мельницы Бобринских, о последней судьбе которой сейчас в Смеле почти никто не знает¹²⁸. Сражение сложилось тяжелым, кровопролитным... Наши части прорвались едва ли не до железной дороги и станции, но всё же вынуждены были отступить.

¹²⁸ В Книге I она упоминается на стр. 770–772.

Немцы, по словам моего свидетеля, побили атакующих крепко¹²⁹. От этого боя в городе остался еще наш «плохонький танк», который какое-то время, пока его не убрали, был предметом постоянного мальчишеского интереса¹³⁰ ...

7 августа.

К Чигирину подошло «до мотополка противника».

Положение 116-й дивизии прежнее.

Около 17 часов в расположении противника на выезде из Смелы в сторону Черкасс, поднялась беспорядочная орудийная стрельба. На дамбе, пересекающей болото Ирдынь, появился танк, вокруг которого рвались снаряды. Он на большой скорости двигался в нашу сторону. Эту картину наблюдали командиры и красноармейцы подразделений 548-го полка 116-й дивизии, которые держали здесь оборону. Стало ясно: фашисты ведут огонь по уходящему от них нашему танку. Между тем танк, преодолев большую часть дамбы, приблизился к мосту через Ирдыновку. Увидев, что мост взорван, экипаж остановил машину и начал разворачивать ее обратно. Чтобы помочь своим, дивизионная артил-

¹²⁹ Некоторые из погибших в этом бою красноармейцы упомянуты в мемориальном издании «Книга Пам'яті України. Черкаська область. 6 том. – Київ, 1996». Все они погибли 6 августа 1941 года и захоронены в Смеле вскоре после того, как были подобраны смелянскими же жителями. Имена в списке приведены на языке оригинала источника:

1. Иванченко Иван Кузьмич. Рядовой.
2. Качур Тимофій Павлович. Рядовой.
3. Котович Корній Олексійович. Рядовой.
4. Павлюченко Микола Васильович. Рядовой.
5. Самійленко Феодосій Пилипович. Рядовой.
6. Солохін Олександр Гаврилович. Рядовой.
7. Стольник Иван Трохимович. Политрук.
8. Тихоненко Григорій Іванович. Лейтенант.

С некоторыми оговорками этот список погибших в бою можно дополнить следующими воинами:

1. Задорожний Петро Олексійович. Рядовой. Погиб в августе 1941 г. Захоронен в Смеле.
2. Кади́ров Каміль Минсадович. Погиб в августе 1941 г. Захоронен в Смеле.
3. Кутовий Микола Романович. Погиб в августе 1941 г. Захоронен в Смеле.
4. Міщенко Федір Карпович. Ст. лейтенант. Погиб в августе 1941 г. Захоронен в Смеле.
5. Шерстюк Никифор Макарович. Рядовой. Умер от ран 16.08.1941 г. Захоронен в с. Балаклея. (Возможно, 6 августа был ранен на окраине Смелы, подобран кем-то из жителей Балаклеи, кто его потом выхаживал от ран.)

Для полноты картины наших потерь на территории Смелянщины в первые два месяца войны (с 22 июня до полной оккупации ее немцами) приведу персоналии погибших здесь воинов, а также жителей Смелы и района, которые внесены в упомянутую выше Книгу Памяти Украины.

1. Ковтуненко Микола Степанович, 1907 г., с. Куцовка. Рядовой. Погиб 07.08.1941. (Место гибели не сообщается.)
2. Міршук Михайло Савович, с. Сунки. Рядовой. Умер от ран 07.05.1942 г. (был ранен, вероятнее всего, в первой половине августа 1941 г.). Захоронен в с. Сунки.
3. Назаров Сергій Іванович. Мл. лейтенант. Погиб 07.08.1941 г. Захоронен в с. Сунки.
4. Панасенко Іван Кіндратович, 1897 г., с. Малая Смелянка. Партизан. Погиб в августе 1941 г. Захоронен в с. Малой Смелянка.
5. Печокін Олександр Андрійович. Сержант. Погиб 29.07.1941 г. (вероятно, при бомбежке станции им. Шевченко). Захоронен в Смеле.
6. Пікуль С.Н., 1902 г. Ст. лейтенант. Погиб 05.07.1941 г. (вероятно, при бомбежке станции им. Шевченко). Захоронен в Смеле.
7. Пожар Григорій Антонович, 1906 г. Мобилизован в 1941 г. Рядовой. Погиб 23.07.1941 г. (вероятно, при бомбежке). Захоронен в с. Белозерье Черкасского района.
8. Санжарівський Іван Панасович, 1907 г., с. Ташлык. Мобилизован в 1941 г. Рядовой. Умер от ран 04.11.1941 г. (был ранен, скорее всего, в первой половине августа). Захоронен в Смеле.
9. Щепелев Терентій Іванович. Рядовой. Погиб 20.07.1941 г. (вероятно, при бомбежке станции им. Шевченко). Захоронен в Смеле.

¹³⁰ Это была, по-видимому, одна из тех танкеток, которые, как следует из оперативных сводок штаба 116-й дивизии, имелись в составе ее 178 отдельного разведывательного батальона.

лерия, стоявшая на окраине Белозерья, открыла огонь по врагу. При развороте назад танк всё же был подбит немецкой пушкой и съехал в болото...

Подробности этого инцидента сообщил потом его непосредственный участник – комбриг Иванов¹³¹, начальник штаба 6-й армии, которая несколькими днями до этого оказалась в окружении под Уманью.

Вот что он записал в своем донесении¹³².

Управление 6-й армии выводилось из окружения в составе автоколонны. 6 августа с наступлением темноты (в 22 часа 10 минут) он, Иванов, на танке БТ во главе автоколонны двинулся на север. Не успев проехать и нескольких километров, колонна попала под обстрел противника. Автомашин вынуждены были остановиться, группы красноармейцев стали спешиваться, чтобы действовать самостоятельно. Танку же из-под обстрела удалось вырваться.

Сделав небольшой крюк на запад, в направлении Умани, танк развернулся чуть ли не в обратную сторону и пошел в сторону Тального и дальше на присоединение к своим.

В 4 часа утра, когда начало светать, танк укрылся в лесу восточнее Звенигородки. Решено было переждать здесь светлое время суток и двигаться только с наступлением следующей ночи. Танк тем не менее немцами был обнаружен, обстрелян и, преследуемый автомашиной, вынужден был продолжить движение днем.

С ходу проскочили Смелу и (как мы уже знаем) были подбиты. Тяжело ранен и контужен старший лейтенант Корнев, сопровождавший начальника штаба Иванова, слегка ранен и сам комбриг. Первыми из танка выбрались они, остальные три члена экипажа вышли из машины, по свидетельству Иванова, невредимыми.

Иванов и Корнев, преодолев вброд болото, к 20 часам вечера добрались в расположение 2-го батальона 548 полка, державшего нашу оборону в районе Белозерья. Судьба членов экипажа танка осталась неизвестной.

Заключение донесения:

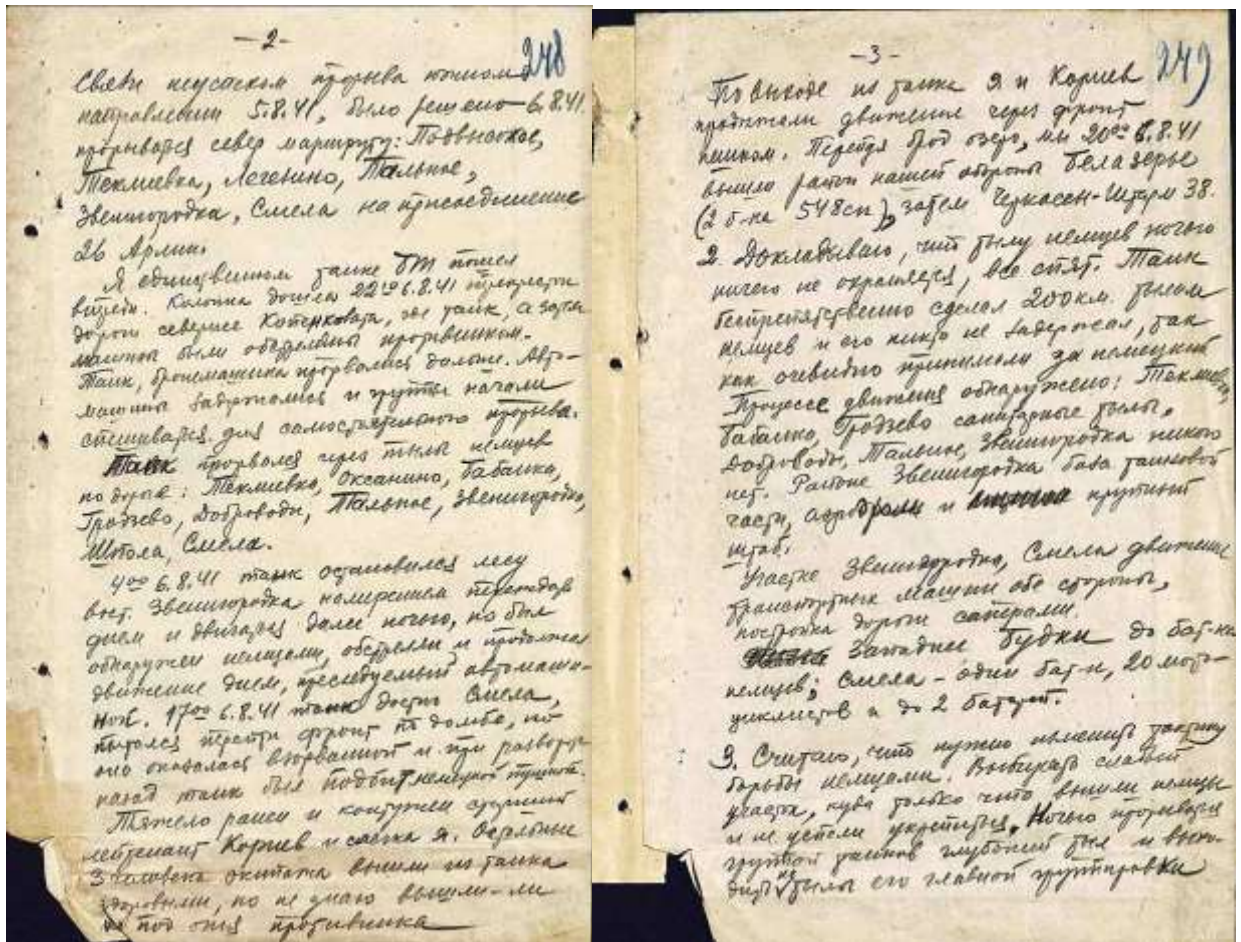
«...В тылу немцев ночью ничего не охраняется, все спят. Танк беспрепятственно сделал 200 км по тылам немцев, и его никто не задержал, так как, очевидно, принимали за немецкий... В Тальном, Звенигородке никого нет. В районе Звенигородки база танковой части, аэродром и крупный штаб. На участке Звенигородка – Смела движение транспортных машин в обе стороны, постройка дороги саперами.

Западнее Будок – до батальона немцев, в Смеле – один батальон, 20 мотоциклистов и до 2-х батарей¹³³».

¹³¹ Иванов Николай Петрович (1900–1975).

¹³² Документ изложен с сокращениями и исправлением опечаток.

¹³³ Последний участок маршрута нашего танка, скорее всего, был таким: Шпола – Матусов – Куцовка – Ротмистровка – Владимировка – Балаклея – Константиновка (Будки) – Смела.

19. Фрагмент копии донесения комбрига Н.П. Иванова начальнику Генштаба

Рассказанная выше история, приключившаяся с начштаба 6-й армии Ивановым, недавно получила продолжение.

Несколько лет тому назад на одном из интернет-аукционов было выставлено на продажу фото советского танка БТ-7М¹³⁴, снятое неизвестным немецким фотолюбителем. Спустя какое-то время появилась вторая, тоже немецкая, фотография этого же танка, а затем была опубликована еще и надпись на оборотной стороне первого фото.

Дословный перевод ее с немецкого гласил: «Русский танк, захваченный в болото после прямого попадания нашей противотанковой пушки. Водитель и стрелок лежали мертвыми внутри. Смела».

Интернациональная группа авторов живого журнала «Немиров-41», занимающихся изучением действий наших танковых частей в начальные месяцы войны, убедительно показала: танк, изображенный на упомянутых немецких фотографиях, был тем самым, на котором вырвался из Уманского «котла» комбриг Иванов. Прояснилась и судьба экипажа танка. Иванов в донесении приврал, сообщая, что «3 человека экипажа вышли из танка здоровыми». В действительности, как следует из надписи на обороте фото, по крайней мере двое из экипажа – водитель и стрелок – так и не выбрались из танка и оказались «мертвыми»...

И последнее.

За покинувшими танк и скрывшимися в болоте нашими офицерами немцы, скорее всего, устроили погоню. Надо думать, именно об этом говорит разведывательная сводка штаба Юго-Западного фронта за 9 августа:

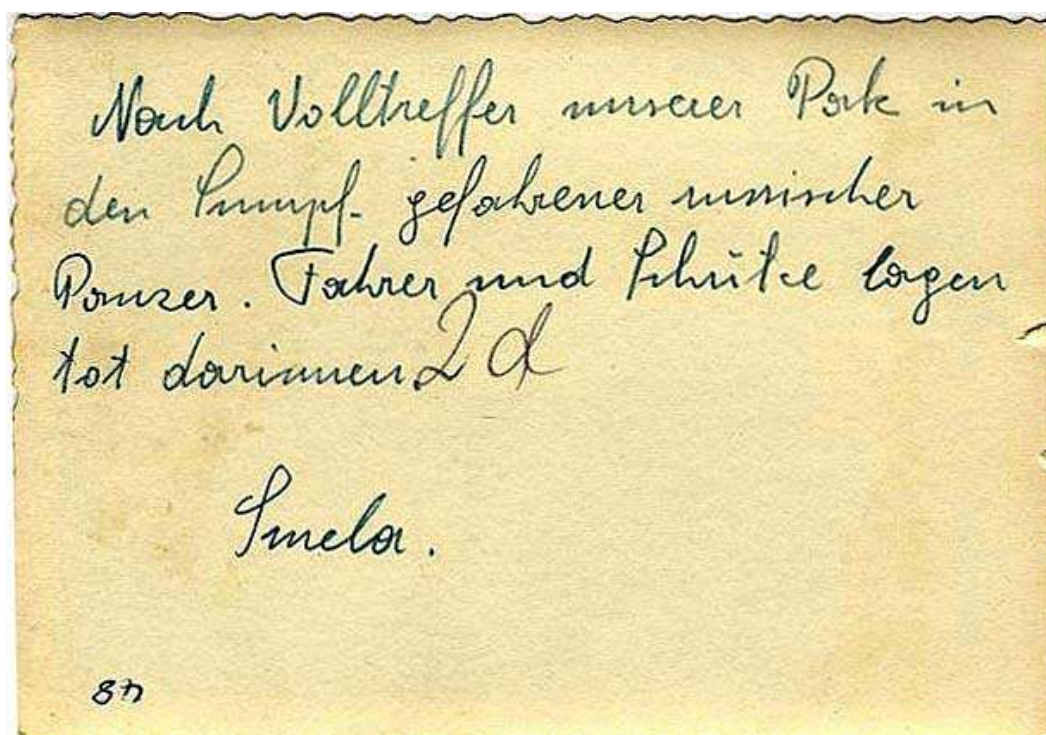
¹³⁴ Колесно-гусеничный танк периода 1930-40-х годов, Из семейства легких танков БТ (быстроходный танк). Экипаж – 3 человека, скорость по шоссе – 52 км/час, запас хода – 375 км.

«В ночь на 8 августа противник мелкими группами пытался форсировать на участке Смела болото... Ирдынь».

Преследование это, как мы теперь знаем, успеха противнику не принесло.

20. Фото нашего танка БТ-7М, подбитого 7 августа под Смелой¹³⁵

21. Обратная сторона предыдущего фото с надписью на немецком языке

¹³⁵ Логотип «fotoshop44» на изображении означает, что фотография когда-то выставлялась на интернет-аукционе, а здесь представлен демонстрационный (низкого разрешения) ее вариант. То же самое можно сказать и о других, встречающихся у меня дальше, фотографиях, которые будут нести какие-нибудь отпечатки или логотипы продавца.

8 августа.

1-я танковая группа противника выходит к **Кривому Рогу** и в район **Кременчуга**.

Сведения на 10 часов утра из боевого приказа штаба 38-й армии:

«Противник силами одного мотополка, поддержанного артиллерией, удерживает Будки, Смела. По данным войсковой разведки, противник силами до одного мотополка с танками и бронемашинами занял Чигирин».

9 августа.

В районе Смелы действует полк «Германия» моторизированной дивизии СС «Викинг».

116-я дивизия «обороняется на прежнем рубеже, ведет огневой бой с разведчастями противника по всему фронту и с противником силою до двух батальонов, наступающих на Большое Староселье».

В 11 часов «установлено движение из Смелы на Сунки 100 грузовых машин, 400 всадников, 150 мотоциклистов, до 20-ти бронемашин, танкеток и противотанковых орудий».

По данным разведки Чигирин занимает противник неустановленной численности.

Через Смелу в сторону Каменки и Чигирина направляются новые немецкие части. Оставив заслон в районе Смелы, немцы стремятся выйти к Черкассам с юго-востока – со стороны Чигирина...

12 августа.

К 20.00 в Буду-Орловецкую «подшло до батальона пехоты и до эскадрона конницы. В районе Буда-Орловецкая, Млиево – до 20 танков, врытых в землю».

13 августа.

На занятой территории немцы продолжают наращивать силы.

По данным разведки, требующим проверки и переданным в первом часу ночи:

«...Южная окр. Смела расположено до 200 автомашин, 50 мотоциклов.

Большое количество обоза на конной тяге расположено на южной окраине Смела и Западня¹³⁶. Штаб неустановленной принадлежности в Будке. Несколько самолетов на аэродроме Западня¹³⁷ ... Производится ремонт дорог и строительство мостов на направлении Златополь, Смела...»

15 августа.

Мы теряем **Канев**.

16 августа.

«...По непроверенным данным в районе Смела появилось до полка пехоты, есть сведения, что прибыли румыны».

17 августа.

В ночь на 18 августа немецкая дивизия «Викинг», действовавшая в районе Смелы, уходит на юго-восток, а на ее место прибывает 297-я пехотная дивизия.

19 августа.

Противник разворачивает массированное наступление на Черкасский плацдарм и оттесняет обороняющихся к Днепру. Идут ожесточенные бои.

В ночь на **22 августа** наши войска оставляют Черкассы...

Если до этого еще теплилась некоторая надежда, что наши смогут вернуться в Смелу, то теперь, когда линия фронта откатилась к Днепру, и эта призрачная надежда улетучилась.

Всё! Возврата к прошлой жизни нет. Враг пришел в наши дома.

¹³⁶ Это место (юго-западная оконечность Балаклеи) у меня уже упоминалось. Оно значится на многих крупномасштабных картах 20-х – 40-х годов прошедшего века.

¹³⁷ О существовании «аэродрома» Западня я раньше что-то не слышал. По-видимому, это была небольшая площадка, которая в тот раз использовалась как аэродром подскока.

22. Схема боевых действий на Юго-Западном направлении в период с 10 июля по 30 сентября 1941 г.